

jamais rien:/Il m'a fait trop de bien pour en dire du mal/Il m'a fait trop de mal pour en dire du bien (Corneille. Vers sur le cardinal de Richelieu composés à l'occasion de la mort du cardinal). Ihr glaubt euch Ritter vom Geiste?/Wie ist Ironie so bitter:/Eure Ritter haben nichts vom Geiste/Und eure Geister nichts vom Ritter (Grillparzer). Здесь еще теснее связь с контекстом (понимаемым широко — и как текст, и как ситуация). С одной стороны, такой хиазм вырванным из контекста не может существовать, с другой — контекст, лишенный такого хиазма, сильно тускнеет, потому что хиазм составляет его семантический центр.

Чаще всего хиазм-pointe появляется в диалоге. Две части общего и рематического хиазма могут быть репликами, принадлежащими разным коммуникантам. Причем правая часть от левой может быть отделена значительным отрезком контекста. Когда общий хиазм размещается в пределах одной фразы, а левая и правая его части являются репликами разных коммуникантов, — в тексте возникает новый, неожиданный поворот темы: «...Maria et moi, nous n'avons pas su supporter qu'on insulte un mort. On a donné aux gens l'occasion de se racheter.

— Hum, dit le notaire, les forcer à faire une bonne action pour des motifs sordides...

— ...vaut mieux, à notre idée, que de les laisser pour de belles raisons commettre une saloperie (Bazin).

Во всех случаях, когда хиазм в диалоге распределен между двумя коммуникантами, независимо от расположения реплик в тексте — дистантного или контактного, левая часть хиазма не воспринимается сначала как компонент хиастической структуры. Только появление в тексте правой, инвертированной части заставляет читателя или слушателя вернуться назад и включить исходную форму в хиастическое целое.

Что же касается периферийно-рематических и периферийно-тематических хиазмов, то их семантический вес в целом тексте тем меньше, чем больше сам текст. Чаще всего они представляют собой просто смысловой форшлаг.

* * *

Необходимо подчеркнуть, что хиазм представляет собой универсалию. Это проявляется прежде всего в том, что данное явление аффективного синтаксиса свойственно всем или, во всяком случае, почти всем литературно развитым языкам. В нем дают себя знать иногда особенности строя того или иного языка (например, способность английских слов переходить из одной грамматической категории в другую, не меняя формы: It is better to kiss a miss than to miss a kiss. Или полная свобода в сложении корней при образовании сложного существительного в немецком языке: Sprachstile, Stilsprache — названия частей книги Л. Шпитцера «Stilstudien». Или зависимость семантики некоторых французских прилагательных-определений от пост- или препозитивного их положения относительно определяемого существительного: Un saint triste est un triste saint. Jean LeBon), но в общем структура хиазма прозрачна и аналогична в языках любого строя. Хиазм идеально переводим (кроме хиастического каламбура, который труден для перевода не потому, что он хиастический, а потому, что он каламбур). Хиазм легко опознать визуально даже в совершенно незнакомом языке. В этой структуре очень ярко проявляются не отличия разных языков, а то общее, что в них есть, то, что, по выражению Якобсона, позволяет трактовать языки мира как разные варианты единой модели «человеческий язык».

Хиазм является универсалией еще и потому, что не знает никаких функциональных границ, никаких стилистических ограничений. Он широко употребляется в разговорной речи — прежде всего в виде разных клишированных речений: Молодец против овец, а против молодца и сам овца. Нос вытащил — хвост увяз, хвост вытащил — нос увяз и т. п.